

Лянь Дун выбрал зону песен и танцев и с головой окунулся туда, заявив, что сначала нужно разобраться с тем, в чем он силен, чтобы поднять боевой дух. Я же тащился с этим нелепо дорогим зонтом, выглядя как законченный чудаков. Мне не понравилась толпа, поэтому, обогнув перегородку, я поднял голову и увидел на стене огромную цифру тринадцать. Ой, нет, зрение что-то подвело, не тринадцать — это была большая буква В. Зона показательных выступлений.

Осмотревшись, я остался доволен: хоть народу было немало, но по сравнению с двумя другими зонами здесь нашлось место, где можно было с комфортом приземлиться.

Я заметил, что у фанатов искусства просто железная психика. Если говорить проще — они будто не считают окружающих за людей. Каждый был погружен в себя: кто-то бормотал под нос, у кого-то постоянно менялось выражение лица — казалось, они чувствовали себя так, будто стоят в центре сцены под ярким светом прожекторов и совершенно не замечают ничего вокруг.

Я побоялся прервать рождение суперзвезды, поэтому, крадучись, присмотрел свободное местечко и направился туда, чтобы передохнуть. Я встал в шесть утра, до сих пор маковой росинки во рту не держал, даже в туалет сходить не успел, да и на ногах простоял больше двух часов — смертельно устал.

Приглянутое место забилося в неприметный уголок. Слева сидел парень с огромными глазами. Он мазнул по мне взглядом, закрыл глаза и начал жевать жвачку. Его руки, засунутые в карманы, постоянно двигались, создавая шум — не знаю, чем он там занимался.

Перед свободным местом стоял иностранец, почти одного роста со мной, где-то метр семьдесят семь или семьдесят восемь, но в плечах шире на целый размер. На нем была белая майка в обтяжку и широкие штаны, которые подчеркивали красивый V-образный торс. Фигура — загляденье, любой мужчина позавидует. Он опустил голову и начал вытворять что-то невероятное. Я понял, что это хип-хоп, и двинулся он куда круче, чем те второсортные артисты по телевизору.

У меня просто челюсть отвисла.

Надо сказать, что я — полный профан в искусстве, меня редко что может по-настоящему тронуть. Но тут, глядя на танцующую фигуру, я почувствовал, что даже душа моя оказалась прикована к нему. Его тело говорило само за себя, сила, казалось, исходила прямо из кончиков пальцев, каждое движение было словно крик, наполненный мощным давлением. Впервые в жизни я ощутил настолько сильное выражение чувств: будто боль, борьба, надрыв, боевой дух, страсть и надежда — всё это было так близко, что можно коснуться рукой.

Глаза мои остекленели, я чувствовал, как каждая клетка тела жаждет двигаться в такт его ритму.

Если бы он был женщиной, я бы влюбился без памяти и пошел бы на всё, чтобы добиться своего. Либо переродился бы, либо погиб.

От этой мысли меня прошиб холодный пот. Хорошо, что не женщина, хорошо. Иначе, предав Чжоу Ли ради какой-то иностранки, я бы не смог простить себя.

— Черт, как же круто, — пробормотал я в восхищении и развернулся, собираясь бесшумно пройти и сесть. Но двести восемьдесят юаней есть двести восемьдесят — в ответственный момент качество дало о себе знать: кончик зонта, торчавший у меня за спиной, зацепился за его бок.

Я нервно оглянулся — помешать такому блестящему танцу было настоящим преступлением. Только я хотел оттянуть зонт, как увидел, что он слегка поднял голову и скользнул по мне взглядом. Его глубокие черты лица и черные, как смоль, глаза, казалось, пронзили меня до самого сердца. Это потрясение даже напугало меня, словно этот человек был роковой встречей в моей судьбе.

Сделав глубокий вдох, я присмотрелся к его лицу. Сначала, глядя на телосложение и слегка выующиеся темно-каштановые волосы, я принял его за иностранца. Но теперь, когда мы оказались лицом к лицу, я понял, что он тоже азиат, просто черты лица слишком глубокие, по-гречески скульптурные — видимо, метис. Неудивительно, что он выглядел так ошеломляюще.

Я виновато улыбнулся ему, он небрежно тряхнул головой, левой рукой щелкнул пальцами и, вытянувшись, плавно отошел в сторону. Я поспешил убрать зонт, но эти проклятые двести восемьдесят юаней сыграли злую шутку: зонт был слишком длинным, рука дрогнула, и я воочию увидел, как кончик зонта вонзился ему прямо в бок.

Видимо, удар был сильным.

— Break! — взревел он, подпрыгнув от неожиданности. Весь его образ самоуверенного танцора в одно мгновение сменился яростью. Он, словно леопард, бросился ко мне и прижал ладонь к моей груди.

Я опешил. Парень с большими глазами, сидевший рядом, от шума открыл глаза и, выпрямившись, уставился на нас.

— Твою мать, ты что, слепой?! — выругался метис, причем на чистом матерном.

Меня захлестнула волна гнева, но я же человек культурный.

— Нельзя по-человечески разговаривать? — я выпрямил спину и выставил локоть, блокируя его атаку.

Он замер, затем внезапно с силой хлопнул себя по голове. Вся враждебность мгновенно испарилась. Он разжал руки и улыбнулся мне. Я даже не посмотрел на него, сохраняя каменное лицо, демонстрируя национальную гордость.

— Иди сюда, — он толкнул меня в спину и, подойдя к свободному месту, указал на него. Я с недовольным видом сел. Он стоял рядом, достал из глубокого кармана штанов баночку жвачки, кинул одну в рот, и, когда он запрокинул голову, стало видно, как потная майка прилипла к его груди.

Я выдохнул. Он обернулся и предложил жвачку мне и парню с большими глазами.

Я не стал отказываться и взял одну, чтобы остудить гнев. Парень рядом улыбнулся, указал на свой жующий рот и покачал головой.

Стулья были заняты. Я сидел, широко расставив ноги, а он уселся прямо на пол рядом со мной, упершись руками в колени. Смахнув пот со лба тыльной стороной ладони, он потряхнул головой, и капли пота долетели до меня.

Пожевав жвачку, он похлопал меня по бедру. Это выглядело немного вульгарно, но при его позе он мог дотянуться только до этой высоты.

— Извини за то, что было раньше, я вспыльчивый.

— М-да, — хмыкнул я. Слишком уж вредничать смысла не было. — Ты вспыльчив пугающе. Это же было просто прикосновение, а ты чуть ли не кинулся на меня с ножом.

— Да не, не до такой степени, — он раскинулся на полу в расслабленной позе. — Когда ты в первый раз меня задел, я ведь ничего не сказал, верно?

— Это лишь доказывает, что ты злопамятный.

— Не будь таким упрямым, — он снова похлопал меня по бедру, и жар от его руки передавался мне. Он хлопал и хлопал, я начал нервничать — если он продолжит, быть беде. — Не смейся, но у меня есть странная фобия: ничего не боюсь, но терпеть не могу, когда тыкают в бок. Стоит коснуться там, и я взрываюсь.

— Почему? — заинтересовался парень с большими глазами, наклонившись к нам.

— В детстве я подрался с кучкой отбросов. Эти ублюдки били железными прутьями именно туда, пытаясь покалечить мне поясницу, чтобы я не мог танцевать. Поэтому у меня там особая чувствительность, чисто психологическая травма, — сказал он, улыбаясь нам обоим.

Я слушал и чувствовал, как закипает злость. Я засучил рукава:

— Где они сейчас?

Он ответил с полуулыбкой:

— В черном гетто Нью-Йорка. Ты что, хочешь пойти и разобраться за меня?

Я вытер пот и сказал, что так и понял — сразу видно, что ты из-за океана.

Он вскочил на ноги:

— А то! Я на четверть американец, по дедушке. Он...

Не успел он договорить, как дверь в класс открылась, и экзаменатор выкрикнул:

— Цзан Гуаньмо!

— Здесь! — он щелкнул пальцами, помахал нам рукой и, покачиваясь в своем ритме, вошел на экзамен.

Дверь с грохотом закрылась, и я пришел в себя. Повернувшись к парню с большими глазами, я улыбнулся:

— Крутой, танцует он и правда здорово.

— Угу, неплохо. Раз жил в Нью-Йорке, неудивительно, что такой сильный... — парень постучал указательным пальцем по подбородку, о чем-то размышляя, но вдруг оптимистично улыбнулся:
— Но ничего, у меня есть козырь в рукаве — танец с ножницами.

Я посмотрел на него, и в голове всплыл странный образ Джонни Деппа.

— А ты? — дружелюбно спросил он.

Я улыбнулся и сказал, что не участник, просто пришел за компанию с другом.

— А, ясно.

Мы разговорились, обменялись парой фраз — оказалось, он Люй Цю, зовут его Кан, дома есть младший брат по имени Фу.

Я переспросил:

— Редкость. Обычно братьев называют как-нибудь вроде Цзянь и Кан.

Он пожал плечами:

— Вообще, родители не планировали второго. Одного меня, сорванца, им хватало, чтобы поседеть. Но так вышло. Меня уже называли Кан, не менять же имя на более простое. Поэтому называли Фу. Отец сказал довольно разумную вещь: в жизни не бывает так, чтобы не было болезней или невзгод, главное — чтобы после этого наступало выздоровление.

Я кивнул. Люй Цю достал из кармана бумажку, завернул в нее уже потерявшую вкус жвачку. У меня глаза полезли на лоб: его пустой на вид карман продолжал шевелиться!

— Ты... ты... карман! — я был поражен. Он усмехнулся и потянул за край кармана. Оттуда выпрыгнула шиншилла размером с два кулака, белоснежная, с черными блестящими кончиками ушей. Она, ловко прыгая, по его руке забралась ему на плечо.

Выглядело это безумно мило. Я с завистью подумал, не обменять ли мой зонт за двести восемьдесят на это чудо.

— Откуда она? Откуда?

— Откуда, откуда... купил, конечно. Прикольная, да? Ее зовут Тантуань, очень похоже, правда? Толстенькая такая, — Люй Цю с гордостью погладил зверька. — И я ее выдрессировал, очень послушная. Смотри.

Он хлопнул зверька по пушистому боку:

— Иди! — и указал на меня. Шиншилла пискнула, пробежала по его руке, перепрыгнула на мою и устроилась на плече, тихонько попискивая. Я повернул голову, а малышка спрятала мордочку в лапки. Я был в полном восторге.

— Сколько стоит? — больно уж она притягательная.

— Недорого, — он посмотрел на меня с таким же выражением, с каким мой отец смотрел на меня, когда я получал семьдесят баллов. — Тыщи три. Это голландская порода, канадские, может, подороже будут.

Я ахнул:

— Три тысячи? Ну уж нет, какой там Тантуань, переименовать его в Юаньбао самое то.

Люй Цю прыснул со смеху:

— А ты забавный.

Только мы начали играть с питомцем, как дверь снова открылась. Цзан Гуаньмо просунул голову, его глаза блеснули недобрым огоньком. Увидев меня, он просиял:

— Надо же, за такое короткое время ты уже успел завести себе сына?

Сказав это, он подошел к нам, двигаясь в своей уникальной манере, и с давящей харизмой встал передо мной:

— Give me a hand.

Я обернулся к Люй Цю:

— Иностранными словами бросается, хм, я всё понял.

Я протянул руку, с важным видом ожидая, но увидел, как Цзан Гуаньмо с притворным отвращением хлопнул по ней:

— Ты с ума сошел? Почему у тебя такой вид, будто я тебе предложение делаю?

Я почувствовал боль и возмущенно ответил:

— Если кто и сошел с ума, так это ты, ты же сам сказал — дай мне руку!

— Он просил тебя помочь, — вставил Люй Цю, с трудом сдерживая смех, а потом расхохотался:
— Цзяо Ши, ты же сказал, что понял?

Я человек гордый, терять лицо не хотелось, поэтому промолчал и поплелся за Цзан Гуаньмо. Только у самой двери спросил:

— Помочь с чем?

— Я вытянул жребий на сценку, один не справлюсь, нужен напарник. Будешь ты.

— Я не могу, — я потрогал Юаньбао на плече. — Я пришел за компанию, у меня в этом плане ни таланта, ни опыта.

— Вот именно... — сказал он и, крепко схватив меня за руку, ускорил шаг. — Это же отлично. Не боюсь, что ты сыграешь слишком хорошо и станешь мне конкурентом.

Что за человек? Даже если так думает, зачем говорить вслух? Совсем не умеет общаться?

Он сверкнул на меня глазами:

— Почему не говоришь, что думаешь? Я такой, какой есть.

— Да, ты крут. Ладно, что за сценка-то?

— Ну, — он замялся, — нужно... сыграть, что мы — гей-пара.

— Что?! — я закричал, и Юаньбао от испуга подпрыгнул. — Ты что сказал?!

Этот парень решил, что я опять не понял его стандартного американского произношения, и, глядя на меня глубоким, как колодец, взглядом, произнес по слогам:

— Гей! Мы с тобой, гомосексуалы, мы — пара гомосексуалов, окей?

От его взгляда мне стало тяжело дышать, казалось, надвигается катастрофа. Я намертво вцепился в дверь, отказываясь заходить. С огромным зонтом и шиншиллой на плече я выглядел незабываемо.

Он дернул меня пару раз — ноль эмоций. Увидев, что комиссия ждет, он занервничал, подскочил ко мне так близко, что его нос почти уперся в мой:

— Чего стоишь? Понял или нет? Гомосексуалы — это когда я положил на тебя глаз, а ты на меня, два мужика, которые испытывают чувства. Понял?

Внутри и снаружи класса экзаменаторы и участники смотрели на нас как на бесплатное шоу. Мне стоило лишь принять позу ящерицы на стене, чтобы затмить всех остальных. Видимо, Цзан Гуаньмо за всю свою жизнь не попадал в такое неловкое положение. Его лицо стало фиолетовым, он как упрямый вол тянул меня, бормоча: «Ты понял или нет?»

— Я... кхе... если я не понял, ты не будешь настаивать? — я был похож на забитую жену.

— Не дури, — он широко раскрыл глаза и ущипнул меня за щеку. Поняв, что я не конкурент, он стал еще сильнее цепляться за эту «бесплатную рабочую силу». — Я тебя с таким трудом поймал, думаешь, отпущу?

Вокруг слышался шепот. Мне захотелось пнуть его. Разве так разговаривают? Люй Цю позади чуть не задохнулся от смеха:

— Эй, вы двое уже вошли в роль?

В моих глазах мелькнула искра надежды, я обернулся и замахал ему рукой:

— Люй Цю, иди сюда, отличный шанс! Выступишь хорошо — подсидишь его, и дело в шляпе.

— Но ведь он любит тебя... — с тоской в голосе произнес Люй Цю. Раздался дружный хохот. Я в ярости ущипнул Юаньбао — на самом деле не сильно, но зверек оказался сообразительным и истошно запищал. Люй Цю подскочил и бросился к нам:

— Цзяо Ши, не вздумай пакостить, сначала верни мне Тантуаня, а потом иди приноси себя в жертву!

Я всегда был человеком высоких моральных принципов и не зарился на чужое, но Цзан Гуаньмо не мог ждать, пока я проявлю благородство, и, нетерпеливо ворча, потащил меня вперед.

Раз уж деваться некуда, я решил зайти внутрь с высоко поднятой головой. Цзан Гуаньмо даже попытался сгладить углы, облегченно улыбнувшись:

— Вообще-то, я собирался тебя по-хорошему уговорить.

— Ты... кхе... я... — я сам не знал, что хочу сказать. Когда левой рукой закрывал дверь, мои проклятые двести восемьдесят юаней застряли. Цзан Гуаньмо проворчал, что этот зонт — сплошная морока, и нетерпеливо дернул его.

— Кхе, кхе, осторожнее, — мне было жалко зонт, когда я видел, как он тянет. — Двести восемьдесят юаней, как-никак.

— Какие еще двести восемьдесят, — он щелкнул меня по носу. — Посмотри на себя, ты выглядишь как полный идиот.

Иностранец есть иностранец, даже если китайский знает хорошо, все равно путает «два» и «двести».

Дверь наконец закрылась.

Мы стояли перед комиссией — два парня одного роста, с гордым видом.

Мне было всё равно, я пришел сюда только ради балагана. Вместо того чтобы нервничать, я с интересом разглядывал экзаменаторов, пока не ткнул пальцем в третью женщину слева:

— А-а! — я восхищенно вскрикнул. Чжоу Ли обожала передачу, которую она вела. Раньше, глядя телевизор, я думал, что она толстая, а лицо — как блин, но в реальности я чуть не лишился дара речи. Не зря говорят, что камера полнит.

Невольно я обернулся к Цзан Гуаньмо —

Черт, опять началось.

Откуда в этом парне эта аура, от которой меня бросает в дрожь? Если я не нервничаю, потому что пришел просто так, то почему он, участник, ведет себя так спокойно, источая атмосферу «смерть тому, кто встанет у меня на пути»?

— Гм, — главный экзаменатор, судя по всему, посмотрел на меня, оглядел с ног до головы и протянул руку: — Где ваша анкета?

— Я... кхе... — я зашелся в кашле. Цзан Гуаньмо странно посмотрел на меня и вмешался:

— Он не участник.

— О... — отозвался главный экзаменатор. Женщина слева, весьма вульгарная, придвинулась к нему, прижавшись всем телом, и хихикнула. Наш техасский петух каждый раз, когда нес яйца, выглядел точно так же — его называли самой почетной курицей-мамой в округе.

Она что-то сказала, экзаменатор отмахнулся. Я прислушался — язык заплетался.

— На каком... кхе... языке она говорит?

— На французском, — небрежно ответил Цзан Гуаньмо. — Она сказала, что твой прикид напоминает французского уличного артиста, и она подумала, что ты пришел пробоваться на роль особого плана.

Все экзаменаторы дружно посмотрели на него, словно голодные звери, нашедшие долгожданную добычу.

Я недовольно хмыкнул. Подарил ему такой шанс, а он даже спасибо не сказал.

Он обернулся ко мне и прошептал:

— На самом деле, мне кажется, ты больше похож на другого персонажа.

— Кого?

— Косплей Рёги Хибики, из манги Ранма.

Я глубокомысленно кивнул, не признаваясь, что не читал эту мангу, но, видимо, это был образ храброго юноши с взрывающейся внутренней энергией:

— ...Я знаю, — вежливость прежде всего. — Почти, почти.

— Да почти один в один... — он энергично закивал.

Я собирался продолжить светскую беседу, но главный экзаменатор помахал Цзан Гуаньмо рукой, сказав, что им нужно обсудить сценарий, и у нас есть время, чтобы «наладить отношения».

— Как... кхе... налаживать? — я завращал глазами и с энтузиазмом предложил: — Может, ты... кхе... дотанцуешь тот танец и... кхе... покажешь мне?

Он покачал головой и потащил меня в угол:

— Не путайся под ногами, это зона показательных выступлений, зачем мне просто так танцевать? — он посмотрел на меня, словно я был очень интересен, и потянулся погладить Юаньбао. Шиншилла испуганно прыгнула мне на другое плечо. — Если хочешь посмотреть, пойдешь со мной в танцевальную зону.

Я вспомнил про Лянь Дуна:

— У меня... кхе... друг...

— Стоп-стоп! — он грубо перебил меня, его лицо снова оказалось слишком близко, я аж вздрогнул. — Что у тебя с речью? Чего ты постоянно кхекаешь?

— Я... кхе... забыл сказать... кхе... у меня так всегда, когда... кхе-кхе-кхе... нервничаю.

— Что «кхе»? — его лицо начало принимать пугающее выражение, Юаньбао на моем плече затрясся.

— Ничего, просто кхе-кхе-кхе... — чем сильнее я нервничал, тем сильнее кашлял.

Лицо Цзан Гуаньмо посерело:

— Твою мать, ты заика!

Я разозлился — мое достоинство было превыше всего. Я сжал зонт и с трудом объяснил ему разницу между заиканием и кашлем от волнения. Юаньбао пищал, поддерживая меня.

Он раздраженно схватился за свои короткие волосы, чуть не вырывая их:

— Есть способ это вылечить? Может, воды попить?

— Есть способ... кхе... один... ты... кхе... помоги.

— Говори, — он смирился.

Я сказал, что ему нужно похлопать меня по спине и очень нежно посвистеть — три минуты, и я расслаблюсь, всё пройдет.

Лицо Цзан Гуаньмо посинело, он пробормотал пару ругательств, но делать было нечего. Он неловко похлопал меня по спине и начал издавать такие ужасные звуки, что через три секунды один из экзаменаторов не выдержал, вскочил и в панике побежал в туалет. Открывая дверь, он бросил на Цзан Гуаньмо полный ненависти взгляд. Тот в ответ возмущенно проорал: «Я что, тебе свистел?!»

Когда второй экзаменатор, охваченный эмоциями, рванул в туалет, Цзан Гуаньмо в ярости схватил меня за подбородок:

— Три минуты прошло. Скажи что-нибудь, я послушаю.

— У тебя такое красивое кольцо... одолжи... — я, не моргая, смотрел на его указательный палец правой руки. У меня был простой вкус: всё дорогое — безумно красиво. Хозяин безумно красивого серебряного кольца начал просить: — кхе... поносить.

— ...Невозможный человек! — даже в конце не обошлось без запинки. Он в ярости воскликнул: — Ты же сказал, что всё пройдет!

<http://bllate.org/book/21141/2144101>